

Наука как форма жизни. Эссе

В. И. Тюпа

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, МОСКВА

Аннотация: Эссе о современном (неклассическом) статусе науки как особой сфере речевой деятельности (человеческого общения). Обсуждается диалогическая природа современной науки, место понимания и роль научных школ в научном процессе как процессе эволюционном.

Ключевые слова: Наука, понимание, общение, научная школа, диалог согласия.

УДК: 81.13.

Контактная информация: Москва, Миусская пл. д. 6. РГГУ. Тел. (499)2506844. E-mail: v.tiupa@gmail.com.

Архаичное представление о науке как о специальном *знании*, передаваемом – подобно мифологическому преданию – от научающего к научаемому, в XVI веке сменилось классическим для европейской культуры концептом науки: профессиональная форма *познания* действительности. Деятельность ученого мыслилась преимущественно как индивидуальное открытие ранее неизвестного. Сложился классический образ чудака-ученого, с головой уходящего в процесс познания, которое отныне все более специализировалось.

Это вполне соответствовало (в качестве альтернативной параллели) классическому представлению о художественном творчестве: «В уме своем я создал мир иной / И образов иных существованье» (Лермонтов). Но к концу XIX столетия одному из столпов художественной классики Льву Толстому становится стыдно рассказывать о людях, которых писатель сам выдумал, он отказывается от художественного письма, а в трактате «Что такое искусство» приходит к мысли, что искусство состоит не столько в творческом воображении и самовыражении личности художника, сколько в особом способе духовного общения людей.

Несколько позже к аналогичной самоидентификации приходит и наука. Становление корпускулярно-волновой теории показало, как было осознано Гейзенбергом, Бором и другими физиками, что их научная деятельность – это

не столько само экспериментирование (после Галилея экспериментальность научного познания сделалась аксиомой), сколько обсуждение его результатов – профессиональное *общение понимающих*. Научение же непонимающих приобрело статус популяризации и образования. Только отождествление науки с общением позволяет в наше время, например, причислять к теории литературы контртеоретические книги Антуана Компаньона или Жана-Мари Шеффера.

Научный процесс взаимодействия сознаний может реализоваться в четырех векторах: эксплицируясь, мысль может разворачиваться в направлении *учителя* (авторитетный профессионал), *ученика*, *единомышленника* или несогласного *оппонента*. Но, согласно догадке Бахтина, в любом из таких коммуникативных актов – фактически совершающихся или виртуально – неизбежно присутствует инстанция «наадресата», владеющего истиной, к которой мы стремимся прикоснуться.

При этом всякое общение, в том числе и научное, может совершаться в четырех модальностях: знания, убеждения, мнения и понимания.

Знание (в строгом, специальном значении) представляет собой такое содержание сознания, которое не зависит от самого сознания (неинтенционально). Простейший пример – знание таблицы умножения. Знание подлежит верификации, объективной проверке, подтверждению опытным (экспериментальным) путем, не нуждаясь в дополнительной аргументации (интерсубъективной проверке на убедительность). Обращение говорящего к модальности знания предполагает дезактуализацию субъекта – позицию его самоустранения из содержания дискурса.

Убеждение – интенциональное содержание сознания, не подлежащее ни сомнению, ни верификации (только аргументированию как опровержению ложных мнений). Субъективная ценность убеждения (верования) в его ментальной прочности, неоспоримости: оно обладает для сознания неопровержимостью абсолютной истины. Говорение в модальности убеждения предполагает самоактуализацию говорящего субъекта в позиции самоподчинения себя – содержанию дискурса.

Мнение – бездоказательное интенциональное содержание сознания («кажимость»), подлежащее сомнению, но субъективно ценное. А также и общественно значимое своей единичностью – в социуме, где человеческая индивидуальность ценится: «Раз человек нашел слова, чтоб выразить свое действительное отношение к миру, он имеет право говорить, и его можно слушать, хотя бы его отношение было единственным в своем роде» (Лев Шестов). Говорение в модальности мнения предполагает самоактуализацию говорящего субъекта в позиции самоутверждения.

Понимание – такое содержание сознания, которое является согласованием других его содержаний. В отличие от знания оно интенционально (понимание всегда – чье-то индивидуальное понимание, зависимое от понимающего сознания); в отличие от убеждения оно относительно (это всегда лишь чья-то правда о предмете понимания, а не окончательная истина); в отличие от мнения оно не субъективно, а интерсубъективно. Понимание подлежит диалогической экспликации – сверхопытной верификации смысла (а не значения) в поле чужого сознания. Смысл нельзя знать – можно только понимать (таким предметом понимания служит, например, чье-либо человеческое «я»), которое

по сути своей не может быть знаемое). Понимание неодушевленного объекта предполагает отношение к нему как «другому», как к субъекту: «Мы должны помнить, что то, что мы наблюдаем, – это не сама природа, а природа, которая выступает в том виде, в каком она выявляется благодаря нашему способу постановки вопросов» (Вернер Гейзенберг).

Говорение в модальности понимания предполагает самореализацию говорящего субъекта перед лицом другого. Поделиться пониманием означает сделать содержание своего сознания реальным и для иного сознания (тогда как содержание мнения – ирреальная кажимость, а содержание убеждения – сверхреальная заданность). Носителем монологической истины знания может быть сознание одиночки, тогда как истина понимания «требует множественности сознаний, она принципиально неместима в пределы одного сознания и рождается в точке соприкосновения разных сознаний» (Михаил Бахтин). Пользуясь словами Бахтина, можно сказать, что понимание носит «диалогический характер, то есть никогда не приводит к слиянию голосов и правд в единую безличную правду».

В современной науке – не только гуманитарной, но и в естествознании (синергетика) – истины понимания начинают явственно доминировать над истинами знания.

Диалогическая, а не монологическая природа современной науки радикально меняет «карту» этой области человеческой деятельности. Раньше такая карта определялась дисциплинарными *границами* между предметными специализациями познающих: каждый ученый – знаток особого аспекта изучаемой действительности. Теперь она все больше определяется *эпицентрами* актуальных проблем междисциплинарного характера. Знание того, что на пути познания имеется некоторая проблема, – это негативное знание. Проблема требует понимания – не столько обмена информацией между разными специалистами, сколько диалогической встречи «разных сознаний», и все чаще – разных дисциплин в пределах каждого такого сознания.

Диалогическая природа современной науки не сводится к ее институциональным особенностям. Участие в научном процессе в качестве специалиста, профессионала – функционально, но вовсе не диалогично. Вхождение в диалогическое отношение требует всей личности ученого, требует от него экзистенциальной позиции, а не одного лишь профессионального интереса к предмету познания.

На мой взгляд, значительных достижений в современной науке – таких бесспорных, как откровения Ю. М. Лотмана, например, – достигает лишь тот ученый, для которого его научная жизнь становится не подвигом самоотречения в познании (классическая наука), а живым общением в проблемном контексте понимания, но при этом еще и непрерывным решением какой-то фундаментальной внутренней, психологической или, лучше сказать, экзистенциальной проблемы собственного присутствия в мире. Такая проблема, как правило, самим ученым не эксплицируется, порой, возможно, даже и не осознается им, но деятельным интеллектуальным напряжением практически решается, придавая его наследию хемингуэвский «эффект айсберга».

Усматривая в науке прежде всего человеческое общение, мы тем самым осознаем ее как одну из форм жизни на Земле. Ведь «само бытие человека

(и внешнее, и внутреннее) есть глубочайшее общение» (Бахтин). Обмен вещами – отнюдь не коренная сущность жизни, а всего лишь элементарная форма общения, низший уровень жизни (впрочем, неизбежно необходимый).

Мысля в этом направлении, легко прийти к согласию с Тейяром, с его одухотворенным эволюционизмом. Развитие науки как диалогического процесса вполне определяется эволюционными законами развития, например, естественного языка. Поистине, говорить – а современный ученый делает именно это – «значит участвовать в эволюционном приключении говорящего человечества» (Ойген Розеншток-Хюсси).

Углубление научной картины мира ведет к образованию лакун, «белых пятен» миропонимания. Первоначальное освоение лакуны – наделение ее терминологическим именем. Всякая научная номинация окказиональна (случайное стечение обстоятельств названия) и одновременно интенциональна (неслучайная манифестация исходной позиции понимания проблемы). Такая номинация – это проба эволюции, продуктивная в одних условиях, вяло выживающая в других или обреченная в неблагоприятных для нее условиях общения. Жизнь научной глоссы – это более или менее успешное разворачивание индекса в сторону эмблемы и в сторону символа, это превращение означенного в полноценный треугольник Фреге, ибо имена научного языка трехаспектны: термин – категория – понятие. Эффективная экспликация термина придает лакуне определенность категории, которая начинает *пониматься* научным сообществом. «Категория» и «понятие» (значение и смысл) принципиально неотожествимы. Взаимодополнительность категориальной однозначности термина, с одной стороны, и одновременно его многосмысленности (т. е. смыслового потенциала) – с другой, можно назвать условием успешного освоения реальности, укоренения термина в понятийной системе мышления.

Свободный научный диалог – единственная благоприятная среда для таких процессов, необходимым фактором которых следует признать наличие научных школ. Когнитивная преемственность поколений в рамках школы базируется на аксиоматике ее терминологического репертуара.

Понятие научной «школы» – несколько устаревающее, восходящее к той архаической стадии научности, когда глава школы и его ученики обладали одним и тем же знанием, только в разном объеме. В наше время, быть может, уместнее говорить о научных «элитах», понимающих проблемную суть науки, поскольку современная научная школа – это круг людей, пришедших к бахтинскому «диалогу согласия». Такое согласие «никогда не бывает механическим или логическим тождеством, это и не эхо; за ним всегда преодолеваемая даль и сближение (но не слияние)» (Бахтин).

Контекст диалога согласия – подобно ситуации «мозгового штурма» – весьма благоприятен для углубления понимания и решения проблем. Однако научные школы также существуют и сосуществуют по законам эволюции. Монополизация научного понимания одной из школ неизбежно приводит к перерождению динамично развивающегося понимания в неподвижное убеждение, согласия – в единогласие. В некотором смысле это подобно тому, как устранение популяции хищников неизбежно приводит к деградации и вырождению популяции травоядных.

Вненаправленческая наука как моновекторное накопление знаний представляет собой фантом просветительского проекта прогрессивно развивающегося человечества. Диалогическая природа научного мышления и самого бытования науки делает противостояние научных школ в их взаимодополнительности естественной необходимостью научной жизни.

Однако нередкие в наше время уподобления научных школ политическим элитам ошибочны и опасны. Подлинно научный дискурс понимания не является, не должен являться, не имеет права становиться дискурсом власти. Напомню эффективное завершение инаугурационной лекции Ролана Барта: «Никакой власти, немного знания, немного мудрости и как можно больше вкуса». Я бы в этой формуле, вступая с нею в «диалог согласия», поменял акцент: акцентировал бы мудрость понимания, но и вкусу (модальность мнения) не отказал бы в правах, решительно отказывая в них, как и Барт, власти убеждений.

Борьба политических элит направлена если не к уничтожению, то к подавлению оппонента. В тоталитарных обществах соперничество научных школ (при участии политических сил) протекает аналогичным образом и губительно для науки. Судьба генетики при сталинском режиме власти – лишь наиболее известный из множества подобных примеров.

Научная школа, напротив, внутренне нуждается в оппонентах (постольку, поскольку у них имеется своя правда, собственные достаточно основательные проблемные ориентиры в проблемном мире). Классический случай взаимодополнительности такого рода – противостояние формальной и социологической школ российского литературоведения. Наука – такая форма жизни, которая питается радостью понимания, иначе говоря, питается конструктивными напряжениями между ментальными структурами, а не радостью победы и снятия напряжения. Действительный путь научного прогресса – путь к максимально напряженному диалогическому согласию, которое – повторю еще раз вслед за Бахтиным – есть «преодолеваемая даль и сближение (но не слияние)». Это не обмен информацией и не «конфликт интерпретаций» (Рикёр), это встречное взаимоконвертирование интерпретаций, версий, правд. Диалогическое согласие «по природе своей свободно, т. е. не предопределено, не неизбежно» (Бахтин), но – желанно.

Article metadata

Title: Science as a form of life.

Author: V.I. Туупа.

Author's e-mail: v.tiupa@gmail.com.

Author affiliation: Russian State University for the Humanities.

Abstract: This is an essay about a contemporary (non-classical) status of science as a special sphere of speech activity (human communication). The dialogic nature of contemporary science, the role of understanding and scholar groups in the development of science as an evolutionary one are discussed.

Key terms: science, understanding, communication, scholar group, dialogue of consent.